

Владимир СПИВАКОВ:

СЛАВА БОГУ, ЧТО МОЖНО ДАРИТЬ РОЯЛИ БЕЗ САНКЦИИ МИНИСТРА

Веч. клуб - 1999 - 9 янв. - а 5.

В который раз взрываются предновогодней сенсацией столичной "Русской зимы" концерты скрипача Владимира Спивакова и его "Виртуозов Москвы". В который раз он поражает новизной и оригинальностью программ, композиторских премьер, ярких солистов, предновогодних музыкальных шуток, среди которых самой "вкусной" на сей раз оказалось танго "Ревность", где солировал на ударных восьмилетний Ростислав Шараевский. Но каких бы интересных музыкальных "персонажей" ни представлял вниманию публики Спиваков — будь то изумительный французский кларнетист Поль Мейер или триумфальный исполнитель виолончельного Концерта Гайдна Денис Шаповалов или незабвенный Альфред Шнитке в образах своей, неизвестной ранее музыки, — самым интересным и непостижимым музыкальным персонажем остается сам вдохновенный Маэстро-Скрипач, о котором еще Леонард Бернштейн, восхищенный его талантом, сказал: "Золотые руки! Золотое сердце!" И подарил свою дирижерскую палочку...

— Она всегда со мной, — признается Владимир. — Я дирижирую ею.

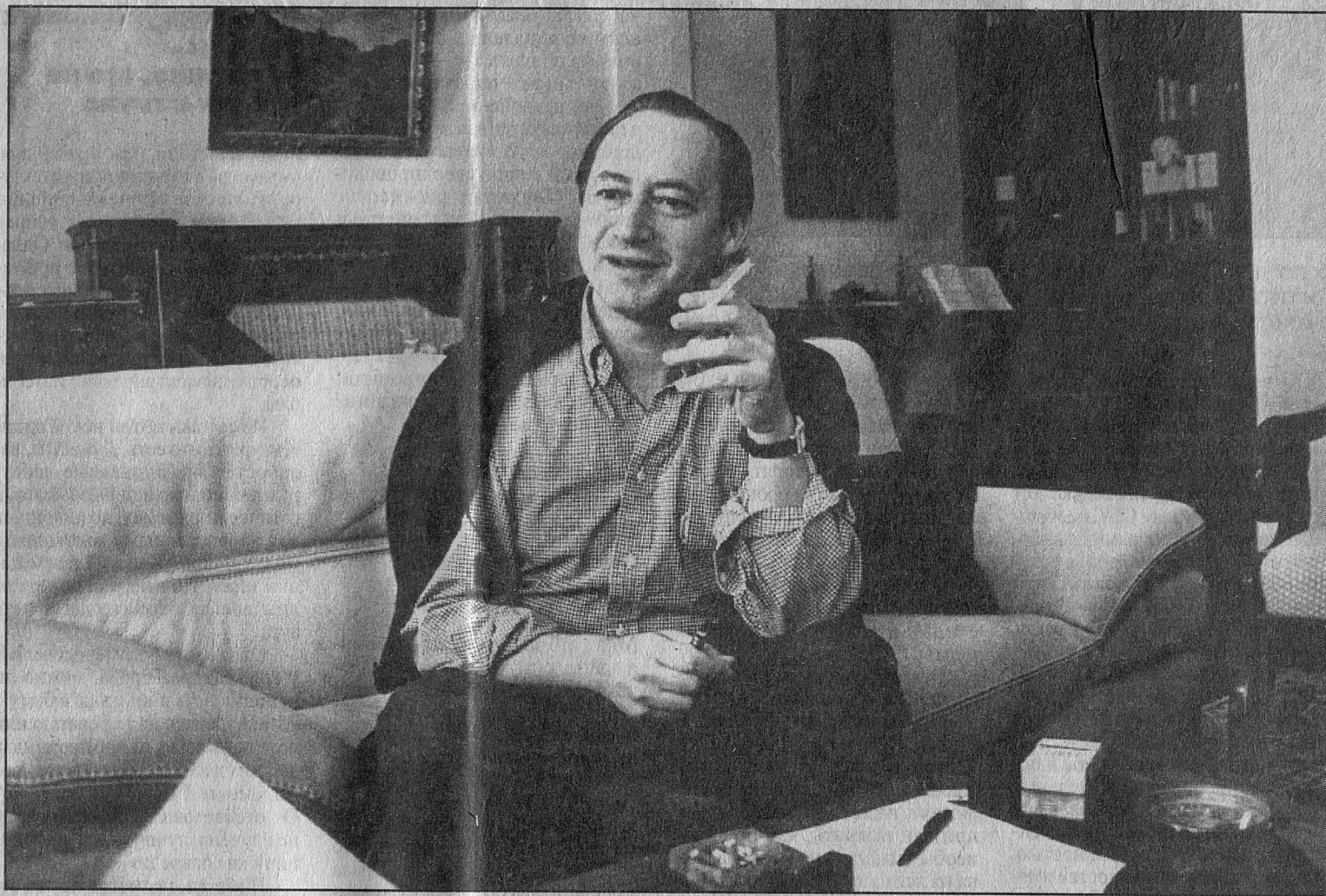


Фото Игорь Игнатьков

Почему вы избираете предновогодье временем своих ежегодных гастролей в Москве?

— Пусть хоть что-то остается в нашей жизни неизменным. Оркестр "Виртуозы Москвы" никогда не изменял этой традиции. Мы всегда выступали на фестивале "Русская зима". И эти приезды продолжаются 19 лет.

То есть столько лет, сколько существует оркестр?

— Да. В будущем году оркестру исполнится 20 лет.

И как вы собираетесь это отметить? Получит ли Государственный камерный оркестр "Виртуозы Москвы", наконец, свою московскую "крышу"? Ведь Лужков вам, кажется, обещал?

— Юрий Михайлович Лужков не бросает слова на ветер. Я много раз убеждался в этом: все свои обещания он выполняет. Значит, будут в Москве построены новые концертные залы и репетиционные для симфонических оркестров. Я сегодня имел возможность беседовать с ним об этом... Ведь Большой зал Московской консерватории (как и сама консерватория, которая нуждалась в ремонте еще 20 лет назад) — в катастрофическом состоянии. И если этот зал встанет на реконструкцию, Москва лишится единственного, можно сказать, полноценного для филармонической деятельности зала. Поэтому так важна идея строительства Российского культурного центра на Красных Холмах, в полутора километрах от Кремля, на набережной Москвы-реки, где строятся и уже построены офисы, торговый центр. Там и будет, по замыслу Лужкова, построен крупный культурный центр с несколькими залами, где сможет поместиться не только оркестр "Виртуозы Москвы", но и несколько других оркестров. И тогда действительно можно будет проводить здесь фестивали с каким угодно размахом.

И какие же предполагаются сроки строительства?

— Дело в том, что средства для строительства этого комплекса, как я понял, должны были появиться за счет эксплуатации новых офисов. Но после августовского кризиса никто в офисы не заселяется. Они готовы, но... стоят пустые. Будем все же надеяться, что некоторая стабилизация в ближайшем будущем произойдет. Иначе городу придется достать средства с таким проектом. Бюджет ведь не резина.

Владимир, а где сейчас "живут" ваши оркестранты?

— Две трети оркестра живет в России, в Москве.

Вот это новость! Мы так привыкли к вашим испанским адресам.

— Это случилось после того, как мэрия Москвы взяла патронат над оркестром. И после того, как оркестр освободился от патронажа принца Филиппа Астурийского (мы прожили в Испании 4 года) и нам дали полную свободу действий. Многие музыканты захотели вернуться в Москву. И это мне очень понятно. Потому что я тоже ощущаю себя за границей иностранцем. Несмотря на то, что я езжу везде, по всему миру, я лучше всего чувствую себя дома — здесь, в России.

Но основная-то квартира у вас в Париже, где живут ваши дети?

— Понимаете, в чем дело: я практически в последнее время стал чаще бывать в России, чем во Франции. Я даю теперь в России — и с оркестром, и сам — где-то 50 концертов в год. Мы объездили и Сибирь, и Урал, и Ханты-Мансийский округ. От Кагалыма, Ноябрьска, Сургута, Тюмени до Казани и Уфы. Я уже не говорю о Белоруссии, где мы часто бываем, Армении, Казахстане, Украине...

Я вижу среди спонсоров и меценатов оркестра "Виртуозы Москвы" представителей Украины: банк "Кредит-Днепр", концерн "Интерпайп".

— Эти спонсоры-меценаты помогали оркестру выжить. Кроме того, это спонсорство говорит о том, что культурное поле бывшего Советского Союза не распалось. И вообще я был потрясен, например, в Казахстане: как казахи говорят на русском языке! Абсолютно без акцента. Просто превосходно. А как нас принимают везде!.. Каждый раз наши концерты — это особое событие. И для нас, и для города, где мы выступаем. Во многих городах России мы были впервые. А в некоторых мы концертируем часто, скажем, — в Тольятти. Кстати, впервые в жизни мне довелось там говорить с амвона церкви, которой я преподнес в дар икону. Церковь была построена благодаря автозаводу и помощи его директора Каданникова.

И что же это за икона? Откуда она у вас?

— Я купил ее во Франции, в Страсбурге. Православную, русскую икону начала XIX века. Замечательную, музейную...

Богоматерь?

— Нет. Спаситель... И священник в Тольятти попросил меня выступить перед прихожанами... А знаете, я вообще готов утверждать: история оркестра "Виртуозы Москвы" — это часть истории государства Российского и Советского Союза. Потому что когда случались и радостные и трагические события в стране, "Виртуозы Москвы" были при этом.

Какие трагические события имеете вы в виду?

— События на Украине в 1986 году, когда произошла трагедия Чернобыля. Все коллективы отказались тогда ехать на фестиваль "Киевская весна". И никто не верил, что поедут "Виртуозы". Но когда в Киеве наш оркестр вышел на концертную эстраду, весь зал встал, и мы никак не могли начать, потому что все плакали... А спустя 10 лет, в 1996 году, благодаря помощи украинской антрепризы "Интерпайп" и банка "Кредит-Днепр" нам удалось отметить эту дату приездом хора "Санта Чечилия" из Ватикана и четырех интернациональных певцов. Мы исполнили тогда в Киеве и Днепетровске "Реквием" Моцарта. А на почетных местах в залах сидели "ликвидаторы" и инвалиды Чернобыля...

То же самое — в Армении. Когда в декабре 1988 году произошло это страшное землетрясение, мы гастролеровали во Флоренцию и должны были дать концерт в огромном соборе. И я прекрасно помню, как, проходя по городу, я увидел двух монашек, которые собирали деньги в помощь пострадавшим от землетрясения. Я спросил: "Вы собрали что-нибудь?" Они ответили: "10 тысяч лир". То есть почти ничего. "Тогда я очень прошу вас, — сказал я, — прийти на наш концерт сегодня вечером, чтобы установить там эти урны для пожертвований". Мы играли в соборе перед огромной аудиторией в две тысячи человек. По моей просьбе было объявлено, что мы даем концерт в фонд землетрясения и просим пожертвовать то сколько может, чтобы отдать монашкам общества "Каритас" ("Благотворительность"). И в тот день было собрано около 30 тысяч долларов... А вскоре мы сами приехали в Ленинград и в полуразрушенном зале дали концерт, в котором приняли участие выдающиеся артисты — Елена Образцова, Алла Демидова, поэтесса Сильвия Капутикян. И я никогда не забуду, как в конце концерта на сцену вышли дети и подарили мне коврик, вытканый детскими руками. Они плакали и говорили, что этот коврик соткали дети, которые погибли во время землетрясения. А на коврике был изображен радостный клоун. Я не мог сдержать слез, перехватывало горло. И я уже не мог играть с оркестром на "бис" ничего веселого. И сказал об этом слушателям, пообещав вернуться и в следующий раз играть в Ленинграде веселую музыку.

Так и случилось. 10 лет спустя, в декабре 1998-го, мы снова приехали в Ленинград. И при въезде в город мы вдруг увидели огромную толпу людей, которые развешивали транспаранты с надписью: "Мы вас всегда ждем, Маэстро!"

А в городе, на здании музыкального лицея висел другой транспарант с цитатой из "речи" десятилетней давности: "Мы еще встретимся, и тогда будет звучать веселая музыка. Владимир Спиваков". И снова "Виртуозы Москвы" был дан бесплатный концерт. А мне на этот раз подарили коврик, который соткала девочка, родившаяся в день землетрясения, на развалинах.

Должен заметить, после каждого приезда в тот или иной город или бывшую нашу республику мы стараемся не только "оставлять" воспоминания о прекрасной музыке, гармонизующей человеческую душу. Я стараюсь еще "оставлять" свои стипендии...

А разве Международный благотворительный фонд Владимира Спивакова, чья огромная плодотворная деятельность широко известна, — это ваш личный карман?

— Пожалуй что да. Можно так сказать. Хотя постепенно появляются немало людей, которые разделяют мои убеждения и начинают помогать. Потому что видят: Фонд Спивакова приносит плоды. Вот 10 стипендий я оставил в Армении, 10 — в Грузии. Посланы инструменты в Уфу и Казахстан. Я купил эти детские инструменты в Париже, так как считаю: дети должны играть на хороших инструментах, а не на "табуретках".

Вы посылаете скрипки?

— Скрипки, виолончели, гобои и кларнеты.

Всем известна нашумевшая акция, когда вы купили рояль Жене Ксину.

— Это было давно. Но, между прочим, первый рояль, который я купил в своей жизни, — это был мой подарок интернату ЦМШ, в котором я жил два года. И, кстати сказать, чтобы сделать это, мне пришлось идти к министру культуры, кандидату в члены Политбюро Демичеву с просьбой, чтобы мне разрешили это сделать как частному лицу. То есть разрешить мне купить рояль для принесения его в дар. Без санкции министра это было запрещено.

Боже, в какой стране мы жили...

— И я такое разрешение получил, и этот рояль стоит в интернате ЦМШ по сей пору.

25 декабря в Рахманиновском зале стипендиаты вашего Фонда дали концерт для своего патрона и многочисленных гостей. Для вас устраивают "смотр" талантов Фонда один раз в году...

— Дело в том, что во всех городах, где мы концертируем, я слушаю детей, и наиболее одаренные становятся стипендиатами моего Фонда. Я помогаю им регулярно.

— Но кошелек ваш не бездонен. Откуда берутся средства?

— Ну, во-первых, за границей я получаю гонорары не такие, как в России, — правда же? А потом я считаю, что человеку три машины не нужны; пять домов ему тоже не нужно. Если мне удастся выплачивать мой кредит за парижскую квартиру, то — я думаю — этого достаточно. Правда, это удается не всегда. Был случай, когда мне нечем было заплатить. Потому что в этот же день я купил гобой одному русскому мальчику, Алеше Гринчуку, который учится во Франции. Вот он сейчас получил первую премию на конкурсе гобоистов в Женеве. Играл на этом гобое. И первым человеком, которому он позвонил после получения первой премии, был я...

— Как говорится, новые русские вас не поймут...

— Захотят — поймут. Доблесть и значимость государства обуславливается в конечном счете не количеством оружия, а количеством достижений науки и культуры. Это то, что остается и переходит из века в век. И то, что всегда России делало великой страной... Мне кажется, только дикари, чтобы воспользоваться плодами, срубают деревья.

— Судя по вашим нынешним выступлениям, вы вернулись к своей Большой сольной скрипке. Много ли у вас было в ушедшем году сольных концертов?

— Очень много. В общем, моя жизнь движется в трех направлениях. Первое — это продолжение моей работы с "Виртуозами", где непочатый край репертуарной работы. К тому же в оркестр пришли молодые люди, с которыми мне интересно работать, которые сидят с горящими глазами и ловят каждое слово. Второе направление — это деятельность моя как дирижера больших оркестров. Я много дирижирую в Америке — Чикагским симфоническим, оркестром Сан-Франциско, национальным юношеским оркестром, который базируется во Флориде. Между прочим, в этот оркестр специальная комиссия отбирает во всех консерваториях Америки лучших молодых музыкантов. Они играют великолепно. И каждый стажировался в этом оркестре три года. А потом они уходят в лучшие симфонические оркестры страны — в Кливленд, Чикаго, Лос-Анджелес, Нью-Йорк. Было бы замечательно, если бы и у нас была такая институция: собирали бы со всей России лучших студентов, лучших солистов на каждом инструменте и создали бы свой Новый мировой симфонический оркестр — бесполобную кузницу исполнительских кадров.

— А с кем из европейских больших оркестров вы в творческом контакте?

— С филармоническим в Монако, с "Санта Чечилией" в Риме, с Национальным оркестром Французского радио, с Национальным оркестром Лилля. Сейчас, в январе, еду дирижировать Шестую симфонию Чайковского в Венгрию, с ее Национальным симфоническим...

— Словом, вы теперь надолго отрываетесь от "Виртуозов Москвы" для индивидуальной гастрольной деятельности.

— Большая работа над сольным репертуаром — мое третье направление. В ближайшее время я на полтора месяца уезжаю в Америку. Там у меня будут сольные концерты с разными пианистами. Буду дирижировать разными американскими оркестрами — например, в Хьюстоне, Цинциннати. Играю целое турне как солист с Берлинским оркестром, который будет гастроллировать в Америке. Словом, очень интересная, насыщенная жизнь.

— В ваших сольных программах вы часто сочетаете классику с современностью.

— Я это люблю.

— А бывает ли, что после Шнитке вы играете "ностальгическую" романтику?

— Видите ли, есть так называемый момент уживания одного композитора с другим. Например, Чайковского с Брамсом я, пожалуй, не поставил бы рядом, потому что Чайковский недолюбливал Брамса. Зато обоим Моцарта. А Шнитке, так же, как и Шостакович, любил, чтобы его сочинения звучали рядом с классикой — в частности, с Гайдном. Вот почему первое отделение концерта, где во втором звучала музыка Шнитке, мы посвящали Гайдну — этому Отцу, создавшему фундамент музыкального развития вплоть до... Малера.

— А как же так случилось, что премьера произведения Шнитке, вам посвященного, "Пять фрагментов к картинам

Иеронима Босха", состоялась только сейчас?

— Потому что я не знал и не верил даже, что существует сочинение, которое Альфред мне посвятил. Я не из тех людей, которые просят, чтобы им посвящали, подарили и т.п.

Хотя некоторые делают карьеру на таких вещах и используют талант другого для "выезда" в историю. Однажды Альфред позвонил мне по телефону. Было это в Германии, в 1993 году, после его второго инсульта. Я играл Сонату с оркестром Шнитке в одном из концертов. И это была открытая трансляция с фестиваля, которую Шнитке услышал. Он позвонил мне в антракте и в ответ на мой вопрос "Как вы себя чувствуете?" сказал мне только одну фразу слабым голосом: "То, что я услышал, — это воплощенная мечта композитора". А в 1994 году он, оказывается, написал это сочинение, но уже не мог мне об этом сказать. У него уже случился третий инсульт, лишивший его речи.

— И как вы узнали об этом сочинении?

— Мне позвонили из издательства "Сикорски", где выходили произведения Шнитке, и прислали мне эту партитуру. Увидев на титульном листе надпись о посвящении Спивакову, я тут же понял, что первую премьеру я должен сыграть в Москве.

— Вы теперь часто играете Шнитке.

— Я люблю его музыку.

— И Арво Пярта много играете. А как поживает Концерт Пендеревского, который, помнится, вы грозились выучить?

— Потихоньку начинаю смотреть. Это ведь тоже одна из крупнейших фигур современной музыки. И я знаю: композитор ждет моего исполнения.

— А еще какие премьеры планируются в Новом 1999-м?

— Собираюсь сделать "Моцарта и Сальери" Римского-Корсакова в концертном исполнении.

— На вашем фестивале в Кольмаре?

— Не только в Кольмаре. Но для своего фестиваля я каждый раз учу много новой музыки. Поскольку нынешний, последний в XX столетии, кольмарский фестиваль будет посвящен Леонарду Бернштейну, хочу подготовить одно из капитальных его творений — "Чистейший псалм" (на тексты псалмов царя Давида). Интересное очень сочинение, с хором мальчиков и мальчиком-солистом, с большим оркестром (я укрупню оркестр "Виртуозы Москвы"). Потом я буду, например, дирижировать "Песни об умерших детях" Малера.

— Ну, поскольку вы начали большими составами дирижировать, вас одолевает теперь эдакая новая жажда.

— Да! Кроме того, я очень люблю духовную музыку. В наступившем году буду исполнять "Берлинскую мессу" Арво Пярта. А совсем недавно я сделал в Риме музыкальную композицию по новелле Цвейга "Воскрешение Георга Фридриха Генделя" (из серии "Звездные часы человечества"), соединив этот гениальный текст с музыкой Генделя из оратории "Мессия". Я дирижировал оркестром "Санта Чечилия", а текст читала очень известная итальянская актриса. Меня потрясло, как было принято это сочинение: несколько человек подбежали к сцене и упали на колени... Ведь пафос этого сочинения в том, что существуют какие-то высшие силы, которые могут спасти и излечить человека. И даровать ему возможность творить. И поэтому люди никогда не должны терять надежды и веры... Между прочим, когда я несколько лет назад исполнял эту композицию в Москве и Санкт-Петербурге (с участием актера Стрельникова), я получил благодарственные письма от священников. Они писали, что такое искусство именно сейчас очень нужно русскому народу.

— Но как этот народ, эта публика берет ваш оркестр буквально в осаду, усаживаясь вокруг вас тесными рядами прямо на сцене!

— Меня это нисколько не смущает. Я давно привык к присутствию слушателей на сцене. И не только в Москве. Во всех городах России у меня то же самое. Потому что есть люди, которые просто не могут позволить себе купить билеты.

— Быть может, эта публика дарит вам драгоценную, живительную и положительную энергию?

— Конечно, дарит. Живительную и положительную...

Встречалась
Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО